

кто-то его случайно окликает «со двора», «точно давно ждал этого зова» (С XIII, 250–251).

После обреченного на неудачу диалога Вари и Лопухина все поспешно начинают готовиться в путь. Как будто бы другого исхода последней их встречи никто, включая и Раневскую, не ожидал. На протяжении всей пьесы рассеянные, словно дети малые, в финале они странным образом сосредоточиваются и уходят, уезжают, исчезают...

Не суждено осуществиться и другой заботе Любови Андреевны: ее тревожил больной Фирс. Злая небрежность лакея Яши и рассеянные хлопоты близких приводят к известному финалу... Такая вот печальная комедия, второе столетие при-

тягивающая и покоряющая неопределенностью и нечеткостью едва различимых границ между смешным и грустным, беззаботностью и тревогой, предусмотрительностью и беспечностью, живой энергией и многозначительной рассеянностью. «Все как сон...»

Примечания

- ¹ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1974–1983. Здесь и далее А. П. Чехов цитируется по данному изданию с указанием тома и страницы в тексте работы. В скобках буквой «С» обозначены сочинения, «П» – письма.

УДК 821.161.1.09-22+929 Гоголь

ИГРЫ ПОДКОЛЕСИНА И КОЧКАРЕВА В ГОГОЛЕВСКОЙ «ЖЕНИТЬБЕ»

К. М. Захаров

Саратовский государственный университет
E-mail: zahodite@list.ru

В статье подвергается сомнению тезис о безусловной виктимности Подколесина. Рассматривается динамическое равновесие сил, в котором находятся Кочкарев и Подколесин, что знаменует противоположные по направлению, но близкие по мощи игровые возможности человека.

Ключевые слова: игра, Гоголь, Подколесин, Кочкарев, сватовство, женитьба.

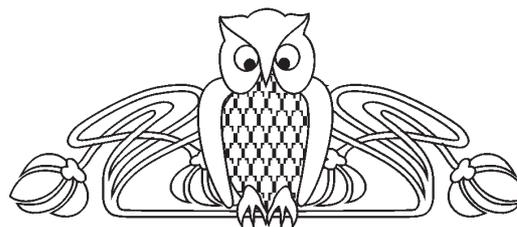
**Kochkarev's and Podkolesin's Games in «Marriage»
by Gogol**

К. М. Zakharov

In the article the point of Podkolesin's implicit victimization is questioned. The dynamic equilibrium of forces between Kochkarev and Podkolesin is analyzed. This marks gaming possibilities in a human, oppositely directed, but similarly powerful.

Key words: game, Gogol, Podkolesin, Kochkarev, match-making, marriage.

Комедия Н. В. Гоголя «Женитьба» уже почти два века является активной составляющей отечественной литературной жизни, будучи пьесой с широчайшим диапазоном художественных прочтений или просто актуальным источником цитат, воспроизводимых в устной и письменной речи. «Женитьба» исконно обладала громадным диапазоном смыслов, в разных культурно-исторических контекстах вырастая для своих интерпретаторов из городского анекдота в притчу, натуралистическую зарисовку или даже драму абсурда¹. Интуитивно предвидя это богатство трактовок, автор максимально способствовал ему, в частности, не оставив собственной версии жанрового определения

пьесы, охарактеризовав ее как «совершенно невероятное происшествие».

Однако при всем многообразии художественных и литературоведческих трактовок большинство авторов сходились в видении Кочкарева как центра фабулы пьесы. Именно он выступает провокатором и мотиватором всех действий Подколесина, заставляя его совершать не свойственные ему поступки.

Действительно, в нормальных (дофабульных) условиях Подколесин стремится уйти от активного действия, в то время как Кочкарев в своем игровом азарте преображает людей, пространство и время, всех подминая под себя, и всех заставляет плясать под свою дудку. Кочкарев пытается превратить действительность в сочиняемую им на ходу пьесу о женитьбе. Он искусственно создает вокруг Подколесина условную реальность, в которой действует правило «трех единств», а знакомство и свадьба влюбленных героев может произойти в один и тот же день.

Гоголь не жалеет художественных средств, чтобы стилизовать своего героя под представителя нечистой силы вроде Басаврюка из «Вечера накануне Ивана Купалы». Впервые в пьесе он появляется, набрасываясь на Подколесина сзади и разбивая зеркало.

Кочкарев (подкрадываясь сзади, пугает его). Пуф!

Подколесин (вскрикнув и роняя зеркало). Су-масшедший! Ну зачем, зачем...²

Взамен разбитого Кочкарев обещает какое-то странное «другое зеркало», которое, скорее всего, «целым десятком кажет старше, и рожа выходит косяком» (15). Похожим образом он является и Агафье Тихоновне – из-за ее спины в тот момент, когда она гадает, т. е. становится уязвимой для

неведомых сил. Он пытается поженить Ивана Кузьмича и Агафью Тихоновну против всех церковных правил во время Великого поста. Ему готов служить достаточно зловещий «придворный официант»: так, собака, покормит, что просто не встанешь» (17). А один раз он почти «проговаривается» о демонической своей сущности:

Кочкарев. <...> Из какого же дьявола, из чего, из чего я хлопочу о нем, не даю себе покою, нелегкая прибрала бы его совсем? А просто черт знает из чего! (55).

Напоминающий нечистого духа Кочкарев в своем истерическо-фантастическом кураже на ходу творит волшебную сказку, где сам выступает в позиции «волшебного помощника» героя. Сам же герой к началу действия не только практически лежит на печи, но и ко всему прочему носит имя Иван. И Подколесин, не будучи в силах сопротивляться стремительному напору приятеля, вынужден подчиняться. До самого своего прыжка из окна, демонстрирующего всем недолговечность искусственных схем жизнеустройства. Кочкарев, который только что казался зрителям и самому себе всемогущим, оказывается посрамленным и терпеливо выслушивает упреки Феклы и Арины Пантелеймоновны.

Но так ли однозначны роли Кочкарева и Подколесина как ведущего и ведомого? Столь ли прямолинейны их взаимоотношения? Иван Кузьмич Подколесин не смог бы вписаться в игру Кочкарева, если бы сам был совершенно чужд стихии игры. Его специфика в том, что он обожает игру, которая больше проходит в его воображении, в мечтах, нежели в реальной жизни. В первых сценах Подколесин, не вставая с дивана, «примеряет» на себя роль жениха. Он осведомляется о степени готовности тех атрибутов, которые (в каком-то отдаленном будущем) могут сопровождать исполнение им ритуалов молодожена. Играет он с необычайным для себя удовольствием, растягивая процесс расспросов, разбивая его на последовательные, но идентичные фрагменты. Степан, возможно, безо всякого умысла поддерживает игру барина. Он отвечает лаконично, что дает Подколесину возможность задавать все новые и новые вопросы. Этот процесс расспрашивания служит Подколесину имитацией действия, которого ему обычно не хватает; также он помогает ему убеждать самого себя в собственной заинтересованности. Ему даже неудобно, что он так тянет («Право, самому как-то становится совестно» (9)). Но он настраивает себя на мысль, что переходить непосредственно к сватовству нельзя, пока все до мелочей не будет к этому готово («Да, это вещь... вещь не того... трудная вещь» (12)). Понятно, что если Подколесина не тревожить, это состояние подготовки может растянуться у него до бесконечности. Всегда найдется что-то, что будет необходимо доработать или переменить: или вакса окажется рыжей, или сапоги станут натирать мозоли, или фрак не передаст всей значимости

фигуры надворного советника. Подколесин играет «вовнутрь», исключительно для себя самого, в то время как женитьба – дело, требующие участия не только одной стороны. «Сватовство» Ивана Кузьмича никак не может состояться, он уже сросся с «игрой-для-себя» в жениха. При этом сама идея женитьбы его привлекает.

Но здесь же обратим внимание на то, что добродушный, выглядящий тюфяком Подколесин играет с окружающими не хуже своего «демонического» приятеля. Чтобы его игра не разрушалась, Степан должен входить в комнату и выходить бесчисленное количество раз. Сваха Фекла – самостоятельное лицо и сильная личность – совершает однообразные визиты к Подколесину, произнося, очевидно, один и тот же текст, расхваливающий Агафью Тихоновну. Подколесину нравится слушать рассказы свахи, сердить ее нежеланием запоминать имя гипотетической невесты. Он вынуждает ее снова и снова по нескольку раз в неделю повторять свои визиты:

Подколесин. Подумаем, подумаем, матушка. Приходи-ка послезавтра. Мы с тобой, знаешь, опять вот эдак: я полежу, а ты расскажешь...

Фекла. Да помилуй, отец! уж третий месяц хожу к тебе, а проку-то ни насколько. Все сидит в халате, да трубку знай себе покуривает (13).

Даже всемогущий Кочкарев, который до поры-до времени направляет Подколесина, сам не замечает, как, связавшись с этим «байбаком», начинает действовать повторяющимися циклами. Сперва он долго уговаривает Подколесина на какой-нибудь шаг, после этого совершает для него какой-то очередной головокружительный кульбит, а потом, увидев, что Подколесин «сдал назад», снова начинает упрашивать, умолять, возвращать. Даже в финале пьесы он убегает со сцены, бормоча: «...я побегу к нему, я возвращу его» (61).

Подколесин, так же как и Кочкарев, во имя своей игры или просто под влиянием собственной флегматичности манипулирует людьми, заставляя их действовать сообразно его представлению о мире. При этом зачатки лидера, точнее, покладистого тирана, в нем, несомненно, есть, хоть и глубоко скрыты. В какой-то момент наедине с собой он обнаруживает свою деспотическую (и при этом доброжелательную) сущность: «Если бы я был где-нибудь государь, я бы дал повеление жениться всем, решительно всем, чтобы у меня в государстве не было ни одного холостого человека!..» (58).

В качестве подтверждения нашего предположения обратим внимание, что Подколесин заявлен в списке действующих лиц как «служащий, надворный советник». При этом он не находится на службе, а лежит дома на диване. На дворе не выходной, ибо Иван Павлович Яичница опасается, как бы его отсутствие не заметил начальник.

Яичница. Пожалуй, пождать – пождем, как бы только не замешкаться. Отлучился ведь только на минутку из департамента. Вдруг вздумает гене-

рал: «А где экзекутор?» «Невесту пошел выглядывать». Чтоб не задал он такой невесты... (25).

А вот Подколесин на службу не торопится. Потому что, очевидно, им уже устроено все таким образом, что дела шли «сами собой», не требуя его личного присутствия на рабочем месте. Точнее, не он это устроил, а все устроилось опять-таки само собой. Кочкарев, расхваливая своего кандидата в женихи, убеждает Агафью Тихоновну, что он «*один почти управляет всем департаментом*» (33). Конечно, он употребляет спасительное «почти», но вряд ли он начал бы привирать об этом, будь служебное положение Подколесина ненадежным. Впрочем, Подколесин и сам замечает: «Я ведь каждое утро хожу в должность» (51), как будто забывая, что он каждое утро лежит на диване, изводит лакея и принимает сваху.

Подколесин оказывает на окружающих такое воздействие, что они начинают сами подстраиваться под него. При этом он не затрачивает на обеспечение этого процесса столько энергии, как Кочкарев. И это еще один повод для Кочкарева быть недовольным своим приятелем.

Кочкарев и Подколесин реализуют и воплощают собой два различных типа игры. Кочкарев суетливо и даже нервически реализует линейную игру, направленную на изменение условий вокруг. Перемены ради перемен – его девиз. «Зла хочет Кочкарев Подколесину? Нет. Добра? Тоже нет. Чего же тогда добивается? Действия! Ускорения! Перемены! Передряги! Сдвига! Обвальное-картинного, постановочно-дивного эффекта!»³ Подколесина же вполне устраивает игра его воображения. Он с удовольствием мечтает о женитьбе и счастлив этой своей мечтой. «Наружу» его игра прорывается в виде закольцованных, циклических действий, в которые он вовлекает практически всех, кто пытается с ним взаимодействовать.

Автор дает возможность Кочкареву временно доминировать, а его типу игры стать основным двигателем фабулы. Кочкарев выдергивает Подколесина из его мечтаний и вместе претворяет их в быль.

Подколесин уступает уговорам или бесцеремонному напору Кочкарева и худо-бедно в один

день переживает знакомство, ухаживание, сватовство и даже выражает готовность ехать к венцу. И вот за считанные минуты до счастливого заключения брака Кочкарев, лично контролирующий все приготовления к свадьбе, ненадолго оставляет его одного. Преисполненный радости Подколесин в эйфории упивается восторгом и даже мечтает осчастливить всех. Его воображение обретает невероятно гипертрофированную форму, одновременно очищая персонажа от кочкаревского морока и возвращая нам Подколесина-мечтателя. Мечтать – это его естественное состояние, атрибут его циклической игры, не предусматривающей кардинальных и необратимых изменений. И, вернувшись к своему подлинному «я», он возвращается из невестинного дома к себе через окно.

При этом фабульные существования и Кочкарева, и Подколесина оказываются одинаково разрушительными для окружающих. Макиавеллиевское презрение к людям Кочкарева и ограниченное эгоистическое равнодушие к чувствам других Подколесина обладают одинаковым негативным потенциалом. Их игры, направленные на удовлетворение собственных капризов и сиюминутных желаний, нарушают течение жизни других людей и, не привнося никаких положительных изменений, оставляют после себя ощущение сумятицы и конфуза.

Все это заставляет нас подвергнуть сомнению укореившийся тезис о безусловной виктимности Подколесина в рамках фабулы «Женитьбы». Кочкарев с Подколесиним находятся в динамическом равновесии сил, знаменуя противоположные по направлению, но близкие по мощи игровые предрасположенности человека.

Примечания

- 1 См.: Бушуева М. «Женитьба» Н. Гоголя и абсурд. М., 1998.
- 2 Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952. Т. 5. С. 15. Далее ссылки в тексте приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 3 Прозоров В. В. До востребования... Избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов, 2010. С. 66.

УДК 821.161.1.09+929 Гоголь

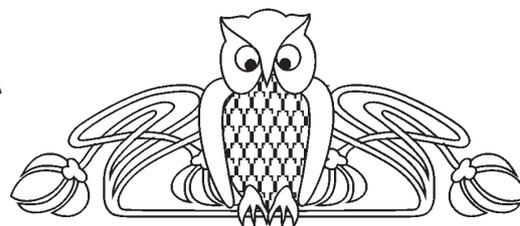
НЕМЕЦКОЕ ОКРУЖЕНИЕ ГОГОЛЯ-УЧЕНИКА

Д. Л. Рясов

Саратовский государственный университет
E-mail: ryasow@mail.ru

В статье рассматриваются ученические письма Гоголя, в которых затрагивается немецкая тема, а также воспоминания современников, дополняющие картину фактами из биографии будущего писателя.

Ключевые слова: Гоголь, Германия, немцы, Нежинская гимназия, переписка, мемуары, национальный стереотип.

German Environment of N. V. Gogol as a Pupil

D. L. Ryasov

The article considers Gogol's letters of his school years in which the German topic is mentioned, as well as contemporaries' remi-